

Адыгейские отрицания*

Ю.А. Ландер (Институт востоковедения РАН)

Н.Р. Сумбатова (Российский государственный гуманитарный университет)

If you don't find it often, you often don't find it.

(The Boston Globe, 31.05.2005)

1. Введение

Отрицание представляет собой весьма своеобразную семантическую категорию, которая во многих языках мира имеет несколько средств выражения (см., например, Horn 1989: 447–452; Kahrel, van den Berg (eds) 1994). Распределение этих средств далеко не всегда определяется исключительно морфосинтаксическими правилами, что дает основания предположить, что за множественностью средств выражения негативной полярности стоит множественность ее функций.

В данной работе мы исследуем соответствующее предположение на материале адыгейского языка, в котором имеется два показателя отрицания с нетривиальными правилами распределения, отчасти – но не исключительно – определяемыми морфосинтаксическими факторами. Как мы покажем, эти показатели действительно имеют в высказывании разные функции, а наблюдаемые корреляции между формальной структурой предложения и выбором показателя отрицания объясняются «коммуникативной прозрачностью» адыгейской синтаксической структуры.

Данные, использованные в работе, в основном получены в ходе работы лингвистических экспедиций РГГУ (аул Хакуринохабль Шовгенковского района Республики Адыгеи) в 2004–2006 гг. Приводимые примеры, большая часть которых взята из собранных в экспедиции текстов, иногда (хотя и не всегда) отражают некоторые особенности абадзехского диалекта адыгейского языка. Разумеется, привлекаются также материалы грамматических описаний (прежде всего Рогавы, Керашева 1966)¹.

В разделе 2 кратко рассматриваются основные подходы к описанию исследуемого явления. В разделе 3 выдвигается основная гипотеза относительно дистрибуции адыгейских

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-04-00194а).

¹ За обсуждение основных тезисов данной работы авторы признательны в особенности П.А. Аркадьеву, Е.А. Демьяновой, Е.Ю. Калининой, А.А. Курсаковой, В.И. Киммельману, Н.А. Коротковой, А.Б. Летучему, Т.А. Майсаку, Я.Г. Тестельцу. Ответственность за все возможные неточности, естественно, лежит исключительно на авторах.

отрицательных показателей и объясняется их распределение в высказываниях разных типов. Раздел 4 посвящен установлению связей между типологическими характеристиками адыгейского языка и особенностями функционирования рассматриваемых маркеров. В заключении суммируются некоторые обобщения, наиболее важные с типологической точки зрения.

2. Дистрибуция отрицания: синтаксис, морфология или семантика?

2.1. Общие сведения

В адыгейском языке отрицание выражается морфемами *-эн* и *мы-*. Хотя эти показатели, возможно, имеют общее происхождение (Dumezil 1932: 185–186; Smeets 1984: 353–357; Кумахов 1989: 210–211), с синхронной точки зрения они выступают чуть ли не как антиподы друг друга. Маркер *-эн* представляет собой суффикс, крепящийся позади практически всех других морфем фонологического слова, за исключением так называемых союзных показателей (см. раздел 3.3) и сочетания суффиксов *-цты-н*, выражающего в таком случае предположительность (ср. приводимый в Кумахов 1971: 245 пример *цты-сы-гъ-эн-цты-н* LOC-сидеть-PST-NEG-IRR-POT ‘он, наверное, не сидел’). При динамических предикатах настоящего времени суффиксальный показатель отрицания требует наличия в словоформе специального суффикса *-рэ*. Морфема *мы-* является префиксом, присоединяющимся непосредственно к основе (к корню, в каузативных словоформах – к каузативному префиксу) и не накладывающим никаких ограничений на морфологическую структуру словоформы за исключением того, что с ним не сочетается префикс динамичности (возникающий также в некоторых формах динамических предикатов настоящего времени). Примеры использования рассматриваемых показателей даны ниже:

- (1) *Оры къыслъыкIуагъэу сызыцэрэр нахь (...) сэ о сыкъыплъыкIуагъэу укъасицэрэн.*

we-rə qə-s-λə-κ_wa-ve-w sə-zə-š'e-re-r nah (...)

ты-PRED DIR-1SG-LOC-идти-PST-ADV 1SG.ABS-REL-везти-DYN-ABS больше

se we sə-qə-p-λe-κ_wa-κ-ew wə-qa-s-š'e-r-ep

я ты 1SG.ABS-DIR-2SG-LOC-идти-PST-ADV 2SG.ABS-DIR-1SG-везти-DYN-NEG

‘Ты приехал за мной и ты меня везешь, (...) я-то тебя не везу, приехав за тобой.’

- (2) *Жьы къапцэ зыхъукIэ, макъэ зыпымыгъэIукI.*

ž'ə qa-p-š'e zə-χ_wə-č'e maqe zə-pə-mə-ve-?wəč'

воздух DIR-2SG-вести REL-становиться-INS звук RFL-LOC-NEG-CAUS-уходить(IMP)

‘Когда ты дышишь, делай так, чтоб от тебя не исходили звуки.’

Традиционно выражение отрицания в адыгейском языке относят к области словоизменения. В настоящее время существует две трактовки дистрибуции показателей *мы-* и *-эп*. Согласно первой, в адыгейском языке представлена единая грамматическая категория отрицания, выражаемая – в зависимости от некоторых формальных признаков – префиксом или суффиксом. Вторая интерпретация, предложенная в Smeets 1984, относит маркеры отрицания к разным категориям. В следующих разделах мы рассмотрим обе точки зрения подробнее.

2.2. Финитное vs. нефинитное отрицание?

Первый подход, трактующий отрицание как единую грамматическую категорию, исходит, очевидно, из семантического единства показателей отрицания и фактически постулирует ряд форм с негативной полярностью, соответствующий ряду утвердительных форм. Соответственно, в описаниях адыгейского морфосинтаксиса, исходящих из такой трактовки, принято говорить об отрицательных формах разных времен и наклонений финитных форм, причастий, деепричастий и т.д.; см., например, Рogaва, Керашева 1966: 239ff; Кумахов 1971: 245–248; Гишев 2003: 99–100. Распределение префиксального и суффиксального показателей в таком случае описывается с помощью формальных условий: оно либо попросту задается списком, как в только что упомянутой работе М.А. Кумахова, либо связывается с некоторым формальным признаком, в качестве которого в работах З.И. Керашевой, Н.Т. Гишева и др. выступает *финитность*. Данный признак определяется при этом следующим образом: финитными считаются словоформы, способные выступать в качестве сказуемого независимого предложения. Утверждается, что нефинитные («инфинитные» в традиционной адыговедческой терминологии) словоформы требуют префиксального отрицания, в то время как финитные – за некоторыми исключениями – суффиксального (Рogaва, Керашева 1966: 112; Гишев 2003: 99).

Предполагаемая связь с финитностью позволяет верно описать значительную часть случаев употребления отрицания. Так, суффиксальное отрицание действительно встречается почти исключительно в сказуемых главных предложений:

(3) *Ежъ сянэжъ фэдэ бзылъфыгъэ дунаем тетэп.*

jež'	s-janež	fede	bzəlfəke	dwənaje-m	tje-t-ep
сам	1SG-POSS+бабушка	подобный	женщина	мир-ERG	LOC-стоять-NEG
'Женщины, подобной самой бабушке, в мире нет.'					

Префиксальное отрицание, напротив, присуще именно зависимым клаузам. Следующие примеры иллюстрируют его использование в относительных (4) и

обстоятельственных (5) конструкциях, а также в конструкциях с сентенциальными актантами² (6):

(4) *ымыльэгъугъэ ишъаом икарт цыкIухэр*

ə-mə-лєв_wə-кє jə-šawə-m jə-kart çəq_wə-xe-r

3SG-NEG-видеть-PST POSS-мальчик-ERG POSS-фотография маленький-PL-ABS

‘маленькие фотографии его сына, которого он не видел’

(5) *Тянэ амышхэу о уаихына?*

t-jane a-mə-šx-ew we w-a-šxə-n-a

1PL-POSS+мать 3PL-NEG-есть-ADV ты 2SG.ABS-3SG-есть-POT-Q

‘Разве они, мать не съев, тебя съедят?’

(6) *Нахьыжъымэ ягуцыIэ иуутыжъ зэрэмышхуцтыр тынэ-тятэмэ кьыдгурагъэIогъагъ.*

nahə-žə-me ja-g_wəš'əʔe jə-wə-wətə-ž'

более-старый-ERG:PL 3PL+POSS-слово LOC-2SG-бить-RFC

ze-re-mə-x_wə-š'tə-r t-jane t-jate-me

REL-INSTR-NEG-становиться-IRR-ABS 1PL-POSS+мать 1PL-POSS+отец-ERG:PL

qə-d-g_wə-r-a-ve-ʔ_we-ka-k

DIR-1PL-сердце-AUG-3PL-CAUS-говорить-PST-PST

‘Родители нам объяснили, что слово старших нельзя перебивать.’

Однако, как неоднократно отмечалось (см., например, Smeets 1984; Кумахов 1989: 206), выбор показателя отрицания не обусловлен исключительно финитностью. Во-первых, в ряде случаев сказуемое главного предложения *обязательно* принимает «нефинитное» префиксальное отрицание. Таковы, например, прохибитивные предложения:

(7) *Угу кьемыгъау сызэрыцхыгъэр.*

wə-g_wə q-je-mə-ka-w sə-ze-rə-š'xə-ke-r

2SG-сердце DIR-3SG(IO)-NEG-CAUS-ударять(IMP) 1SG.ABS-REL-INSTR-смеяться-PST-ABS

‘Не обижайся, что я посмеялся.’

² В большинстве случаев противопоставление сентенциальных актантов и адьюнктных клауз в адыгейском языке крайне затруднено. Исключение составляют клаузы вроде (6), включающие префиксальный компонент *зэрэ-* и маркированные падежным показателем, что свидетельствует об их аргументном статусе. Однако такие клаузы, по-видимому, представляют собой разновидность относительных предложений; см. Герасимов, Ландер в печати.

Во-вторых, как было отмечено еще в Рогава, Керашева 1966: 253–254, префиксальное отрицание иногда обнаруживается в морфосинтаксических контекстах, которые, в принципе, допускают и использование «финитного» суффиксального показателя:

(8) *Олахъэ, Хъанахъу нацэм ар ымыӀон!*

welahe hanaχ_{wə} naʃ'e-m a-r ə-mə-ʔ_{wə}-n
 боже Ханаху кривой-ERG тот-ABS 3SG-NEG-сказать-POТ

‘Ей-богу, кривой Ханаху этого не скажет.’ (Рогава, Керашева 1966: 253)

В-третьих, существует конструкция, в которой выступают оба показателя; глагол при этом обычно сопровождается отрицательной формой местоимения *сyd* ‘что’ с идиоматическим значением ‘ну и что; все равно’³ или словом *ныӀэн* ‘только’:

(9) *Сымыдахэп сyдэп / Сымыдахэп ныӀэн!*

sə-mə-dax-ep səd-ep / sə-mə-dax-ep nə-ʔ-ep
 1SG.ABS-NEG-красивый-NEG что-NEG 1SG.ABS-NEG-красивый-NEG DIR-быть-NEG

‘Я не некрасивая, нечего!’

Предложение (9) и подобные ему употребляются прежде всего в ситуации спора: если кто-то из собеседников в одном из предыдущих высказываний отрицал то, что говорящий является красивым, то высказывание (9) в свою очередь отрицает эту, уже известную всем участникам разговора пропозицию («говорящий является некрасивым»).

Последние два факта указывают на то, что выбор маркера отрицания не обусловлен формально. Более того, возможность сосуществования двух показателей в одной словоформе подрывает саму идею о единстве словоизменительной категории отрицания.

2.3. Предикатное vs. атрибутивное отрицание?

Альтернативная интерпретация была предложена Р. Смецем, посвятившим обсуждению адыгского отрицания целых две главы своей диссертации Smeets 1984. Согласно этой интерпретации, показатели *-эн* и *мы-* выражают две разные категории⁴: предикатное отрицание и атрибутивное отрицание. Смец отмечает (Smeets 1984: 327), что

³ Данная конструкция, впервые обнаруженная Е.А. Демьяновой в абадзехском диалекте (ей же принадлежит пример 9), не отмечена в известных нам описаниях адыгейского языка и признается не всеми (хотя и многими) информантами.

⁴ Примечательно, что схожая точка зрения, по-видимому, представлена еще в грамматике Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа (1941), где суффиксальный маркер интерпретируется как показатель «отрицательного наклонения», а префиксальный – как способ образования отрицательных форм прочих наклонений.

противопоставление этих двух типов отрицания представляет собой аналог введенной О. Есперсеном оппозиции некусного и специального отрицания (см. Jespersen 1924/2002: 381–383). Суффикс *-en*, в соответствии с данной точкой зрения, выражает отрицание отношения, существующего между понятиями, а префикс *мы-* указывает на отрицание конкретного понятия. Свое понимание роли показателей отрицания Смец иллюстрирует, в частности, следующими примерами, взятыми из одного и того же текста:

(10) а. *Сыкыбдэжлонэн, Орзэмэдж!*

sə-qə-b-de-k_we-n-ep, werzemež

1SG.ABS-DIR-2SG-COM-идти-POT-NEG Орзэмэдж

‘Я не пойду за тебя замуж, Орзэмэдж.’

б. *Сянэпсэ сыбдэмыклон!*

s-jane-pse sə-b-de-mə-k_we-n

1SG-POSS+мать-душа 1SG.ABS- 2SG-COM-NEG-идти-POT

‘Клянусь душой моей матери, я не пойду за тебя!’

В обоих примерах в финитном контексте выступают отрицательные формы глагола ‘выходить замуж’ (букв. ‘идти вместе с’), но в первом отрицание выражено суффиксом, а в другом префиксом. Если в (10а), согласно Смецу (Smeets 1984: 329), отрицается вся предикация, то (10b) по существу представляет собой утвердительное предложение:

(10’) Smeets 1984: 329

а. ([of me-hither-you-with-going]-it will be)-it is not the case

‘Не имеет место то, что мое хождение с тобой случится.’

б. (of me-you-with-not-going)-it will be the case

‘Будет иметь место нехождение меня с тобой.’

На первый взгляд, трактовка Смеца не отвечает фактам адыгейского языка хотя бы потому, что во многих случаях семантический вклад префиксального и суффиксального отрицания, безусловно, совпадает; ср., например:

(11) а. *Тэ тисыхъо щтырэн.*

te t-jə-psəχ_we š'tə-r-ep

мы 1PL-POSS-река мерзнуть-DYN-NEG

‘Наша река не замерзает.’

б. *Псыхъоу мыцтырэм дэжь тыцэпсэу.*

psəχ_w-ew mə-š'tə-re-m dež' tə-š'e-psew

река-ADV NEG-мерзнуть-DYN-ERG около 1PL.ABS-LOC-жить

(14) *Дунэежъым езэцыгъэу зи ехыжъырэн.*

dwəneje-žə-m je-zeš'ə-в-ew z-jə jexə-ž'ə-r-ep
мир-старый-ERG 3SG-скучать-PST-ADV один-CON спуститься-RFC-DYN-NEG
'Никто не умирает уставшим от жизни.' (Блягоз 1992: 48)

Итак, какие-либо основания постулировать семантические различия между двумя показателями отрицания, по-видимому, отсутствуют. Таким образом, предложенная Р. Смецем трактовка распределения двух отрицательных морфем не работает. Тем не менее, как мы покажем ниже, в основе своей подход Р. Смеца не так уж и неверен – *-эн* и *мы-* действительно выражают две разные категории, – и неудачна лишь попытка Р. Смеца увязать обнаруженное им различие между ролью *мы-* и *-эн* с есперсеновскими (или аналогичными) онтологическими типами отрицания.

2.4. Семантическая сфера действия?

Судя по предложенным им интерпретациям примеров вроде (10'), Смец исходит из того, что два отрицательных маркера различаются еще и тем, что при употреблении префикса *мы-* в семантической структуре «сверху» наличествует некоторый семантический оператор, в то время как использование суффикса *-эн* не подразумевает никаких «вышестоящих» семантических операторов. Другими словами, помимо приписываемых отрицательным показателям и, видимо, необоснованных противопоставлений в типе отрицания, Смец связывает их дистрибуцию со сферой действия отрицательного оператора: суффикс указывает на широкую сферу действия, охватывающую всю семантику высказывания, а префикс – на узкую, охватывающую лишь ее часть.

Подобная трактовка распределения показателей отрицания была бы весьма привлекательна, поскольку она позволяет сохранить семантическое единство двух маркеров, выводя их выбор из места отрицания в семантической структуре. К тому же, то, что выбор показателя определяется семантической (а не формальной) структурой, возможно, позволило бы объяснить и способность префиксального маркера появляться в контекстах, где казалось бы, допустим и суффикс.

И все же теория, увязывающая выражение отрицания с его сферой действия, также встречает определенные сложности. Прежде всего, отметим, что увязывание выбора отрицания с его сферой действия фактически игнорирует возможность появления отрицания в пресуппозиции. Эта возможность, между тем, не исключена. Рассмотрим в связи с этим следующие два примера, различающиеся лишь тем, как в них оформлена обстоятельственная клауза: в первом из них в роли маркера зависимой предикации выступает суффикс *-эу*, а во втором – суффикс *-рэ*:

(15) а. *Сымытхьаматэу ар хьугъагъэ.*

sə-mə-thamat-ew	а-г	χ _w ə-ka-ke
1SG.ABS-NEG-председатель-ADV	тот-ABS	статья-PST-PST

б. *Сымытхьаматэрэ ар хьугъагъэ.*

sə-mə-thamate-re	а-г	χ _w ə-ka-ke
1SG.ABS-NEG-председатель-SIM	тот-ABS	статья-PST-PST

‘Это случилось, когда я не был председателем.’

Пример (15а) вполне допускает трактовку, при которой выбор префиксального отрицания обусловлен его узкой сферой действия относительно главного предиката; обстоятельственная клауза здесь может составлять часть ассерции, и отрицание фактически лишь добавляет некоторую информацию об описываемой ситуации. В примере (15б), однако, отрицание, по-видимому, находится в пресуппозиции. Так, оказывается, что это высказывание требует контекста, в котором известно, что говорящий когда-то был председателем, а значит, когда-то и не был. Соответственно, роль отрицания здесь сводится к указанию на контекстно-определенную ситуацию – на ситуацию, находящуюся в пресуппозиции. Между тем, пресуппозиции обычно понимаются как ускользающие из сферы действия любых операторов в ассерции, а значит, появление префиксального отрицания в данном примере не может быть связано с его узкой сферой действия.

Другую семантическую проблему для анализа распределения двух негативных показателей в адыгейском языке в терминах сферы действия представляет появление префикса *мы-* в ряде контекстов, где казалось бы, отрицание имеет широкую сферу действия – имеются в виду упомянутые выше контексты вроде оптатива и прохибитива, а также вопросительные предложения (ср., например, 5, 37–39). Возможным решением этой проблемы было бы постулирование некоего невыраженного предиката, в сферу действия которого попадает отрицание⁶. Однако утверждение о существовании такого предиката оказывается недоказуемым – фактически оно мотивируется желанием объяснить использование в упомянутых ситуациях отрицания с узкой сферой действия.

Наконец, наиболее сильным ударом по рассматриваемой интерпретации оказывается тот факт, что при определенных условиях суффиксальное отрицание, которое должно было

⁶ Ср., например, предлагаемый Е.В. Падучевой (1985: 240–242) перформативный анализ вопроса, подразумевающий наличие в семантической структуре вопросительных высказываний оператора побуждения и предиката знания. Любопытно, что тот же путь фактически выбирает и Р. Сметс, постулирующий для оптативных и императивных форм «внешнюю» предикацию ‘да будет так, что’ (‘may it be the case...’); см. Smeets 1984: 331-332.

бы иметь единственную возможную интерпретацию, все же допускает некоторую многозначность. Она появляется там, где семантические операторы выражены исключительно морфологическими средствами внутри сказуемого главного предложения. При отрицании всей пропозиции, включающей морфологически выраженный оператор, в таких случаях, естественно, наблюдается суффикс *-эн*. Но он же иногда обнаруживается, даже если отрицание имеет узкую сферу действия относительно таких операторов. Так, согласно А. Б. Летучему (2003), морфологически выраженная каузация ситуации, определяемой отрицательно, может сопровождаться показателем *-эн* – несмотря на то, что в семантической структуре отрицание здесь может иметь как широкую (16а), так и узкую (16b) сферу действия относительно каузативного оператора.

(16) *Сэ ар къезгъэІотагъэн.*

se a-r q-je-z-ve-ʔ_weta-в-ep

я тот-ABS DIR-3SG-1SG-CAUS-рассказывать-PST-NEG

а. ‘Я не дал ему об этом рассказать.’

б. ‘Я заставил его об этом не рассказывать.’ (Летучий 2003)

В (16b) отрицание семантически относится к предикату ‘рассказывать’, который является аргументом предиката каузации. Однако для выражения этого используется суффикс *-эн*, модифицирующий весь морфологический комплекс «каузатив + основной предикат».

Многозначность в отношении сферы действия, неизбежно возникающая в подобных случаях, всегда может быть разрешена за счет синонимичных синтаксически полипредикативных конструкций:

(17) *Ащ сэ сыригъэзыгъэн къэсІотэнэу.*

a-š' se sə-r-jə-vezə-в-ep qe-s-ʔ_wete-n-ew

тот-erg я 1SG.ABS-AUG-3SG-заставлять-PST-NEG DIR-1SG-рассказывать-POT-ADV

‘Он меня не заставлял об этом рассказывать [я сам рассказал].’ (Летучий 2003)

Здесь ситуации каузации и каузируемой ситуации соответствуют разные предикаты, а включение отрицательного показателя в тот или иной предикат однозначно указывает на его сферу действия.

Все эти примеры, казалось бы, указывают на то, что выбор между префиксальным и суффиксальным отрицанием в адыгейском языке не определяется сферой действия

соответствующего семантического оператора⁷. Более того, употребление аналитических конструкций для выражения отрицания с узкой сферой действия вновь приводит нас к связи выбора отрицания и финитности. Тем не менее, как мы покажем в следующих разделах, все эти препятствия могут быть преодолены.

3. Функции отрицательных показателей и типы высказываний

3.1. Основная гипотеза

Смысл высказывания можно представить как комбинацию его пресуппозиций (в прагматическом понимании этого термина, см., например, Lambrecht 1994) и сочетания оператора, выражающего иллокутивную силу высказывания с пропозицией, заполняющей семантическую валентность этого оператора⁸:

(18) {пресуппозиции} + иллокутивная сила (пропозиция)

Однако для некоторых типов высказываний – в первую очередь, для декларативов – такое представление является чрезмерно упрощенным. Для них существенно то, что вершинная пропозиция имеет истинностную оценку. Последняя может быть представлена как оператор, который имеет в своей сфере действия главную пропозицию, но сам помещается в сфере действия иллокутивного оператора:

⁷ Еще одно явление такого рода - конструкции с кванторными словами, также многозначные при наличии суффиксального отрицания:

(i) *Тхыльхэмэ эклэми сяджагьэн.*

тхэл-хе-ме zeč'e-m-jə s-ja-ža-в-ер

книга-PL-ERG UQ-ERG-CON 1SG.ABS-3PL(IO)-читать-PST-NEG

‘Я не прочитал всех книг (ни одной не прочитал; не все прочитал).’ (Тестелец 2005)

Интересно, кроме того, что прочтение, при котором сказуемое здесь попадает в сферу действия отрицания (т.е. в нашем примере отрицается само наличие ситуации чтения), является крайне маркированным и допускаясь отнюдь не всеми информантами. Такая картина наблюдается во многих языках (в том числе и в русском) и, возможно, имеет прагматические основания (см. Horn 1989). Далее подобные конструкции нами не рассматриваются.

⁸ Строго говоря, такое представление следует приписывать не высказыванию, а каждому из его фрагментов, имеющих самостоятельную иллокутивную силу. На практике, однако, эта оговорка затрагивает почти исключительно сложносочиненные предложения: хорошо известно, что иллокутивные силы их конъюнктов могут не совпадать, ср., например, *Съестъ-то он съест, но кто же ему даст?* – ниже мы отвлекаемся от подобных случаев и ради простоты будем говорить исключительно о высказываниях.

qə-z-g_wə-r-jə-ka-ʔ_we-š'tə-ɤ

DIR-1SG-сердце-AUG-3SG-CAUS-говорить-IRR-PST

‘Осторожно давал понять, что это некрасиво.’

Еще один интересный случай – это высказывание или часть высказывания, не имеющая формальных признаков зависимой клаузы, однако выражающая характерное для зависимых клауз значение, близкое к условному. В таких случаях, как и следовало ожидать, несмотря на «финитность» такой предикации, используется префиксальное отрицание:

(24) *KIyağzərə – myKIyağzərə, sərkİə tIyuri – zy.*

k_wa-ɤe-re mə-k_wa-ɤe-re se-r-ç'e t_wə-r-jə zə
идти-PST-COORD NEG-идти-PST-COORD я-PRED-INS два-ABS-CON один

‘Сходил он, не сходил – для меня одно и то же.’

К сожалению, простая констатация того, что суффикс *-ən* выражает стандартное отрицание, а префикс *мы-* – нет, явно недостаточна. Проблема состоит в том, что в литературе разграничение стандартного отрицания и других типов отрицания проводится несколько непоследовательно: стандартное отрицание смешивается с отрицанием сентенциальным, которое определяется синтаксически – как отрицание, маркируемое при сказуемом (и в норме включающее его в свою сферу действия)⁹. Если гипотеза (20) верна и суффикс *-ən* действительно является показателем стандартного отрицания, а префикс *мы-* не может выражать таковое, то исследование их распределения может способствовать разграничению стандартного отрицания как явления семантического и сентенциального отрицания как явления формального. Поэтому ниже мы уделим особое внимание тем случаям, когда сентенциальное отрицание нельзя считать стандартным, и наоборот, когда стандартное отрицание не выражается при помощи отрицания сентенциального.

3.2. Команды и некоторые другие недеklarативные высказывания

В предыдущем разделе мы отметили, что оператор истинностной оценки присутствует прежде всего в декларативных высказываниях. В разделе 3.4 с этой точки зрения будут рассмотрены вопросы. На наш взгляд, для высказываний всех прочих типов, то есть для всех прочих иллокутивных сил говорить об истинностной оценке не имеет смысла (см. Kalinina, Sumbatova in print). В отличие от декларативов и вопросов, команды, пожелания и прочие аналогичные высказывания не имеют своей целью изменение состояния

⁹ Так, даже в детальных работах М. Миестамо по типологии «стандартного отрицания» фактически рассматриваются почти исключительно случаи отрицания сентенциального (см., например, Miestamo 2000).

знаний коммуникантов. Фактически они оперируют с пропозициями, которые в момент произнесения высказывания не соотносятся с реальной действительностью и не оцениваются с точки зрения их истинности/ложности. Не удивительно поэтому, что в высказываниях такого рода употребляется префиксальное отрицание. Выше это уже было показано для прохибитивных высказываний (см. примеры 7 и 13 выше); аналогичная картина наблюдается и в случае отрицательных оптативных высказываний:

(25) *А ныор мы кIы чьыIэм римыгъэлIыхьагъагъот.*

а нәуе-г тә ǰ'ә ǰә?е-м г-јә-мә-ве-λәһа-ка-к_wet

тот старуха-ABS этот зима холод-ERG 3SG-3SG-NEG-CAUS-умереть-PST-OPT

‘Хотя бы холод не заморозил в эту зиму ту старуху.’ (Рогава, Керашева 1966: 184)

Семантическая близость отрицательных императивных (прохибитивных) и отрицательных оптативных высказываний очевидна – в обоих случаях говорящий считает желательной реализацию некоторой ситуации. Формы, возглавляющие такие высказывания, выделяются на основании формальных признаков (прохибитив, как и императив, сопровождается усечением основы, оптативные формы содержат суффиксальный компонент *-гъот* или префиксальный *(о)рә-*; ср. *орә-мы-кIо* ‘пусть он не идет’), а значит, в принципе, допускают и описание, согласно которому выбор формы в данном случае мотивирует и выбор отрицательного префикса. Однако к той же семантической зоне относится еще один тип высказываний, который с формальной точки зрения неотличим от обычных декларативов – речь идет о клятвах. И действительно, как отмечает М.А. Кумахов (1989: 207), для клятвенных форм характерно как раз префиксальное отрицание; именно в этом духе следует, по-видимому, трактовать высказывания типа (10b); ср. также:

(26) *Зьми есымыгъэшIэн!*

зә-м-јә је-сә-мә-ве-ǰе-п

один-ERG-CON 3SG-1SG-NEG-CAUS-знать-POT

‘Я никому не скажу!’

Чаще всего в роли сказуемого в клятве выступает предикат, оформленный модальным суффиксом *-н*, который нередко может оформлять и вершины зависимых предикаций (в последнем случае большинство описаний трактуют его как показатель масдара; см., например, Рогава, Керашева 1966: 329–330). Соответственно, теоретически можно было бы предположить, что в клятвах мы имеем дело с типологически распространенным употреблением нефинитной формы в качестве сказуемого независимого предложения (см. Калинина 2001), а значит, появление префиксального отрицания здесь вполне укладывается

в подход, связывающий его с нефинитностью. Тем не менее, отдельные носители адыгейского языка допускают и аналогичные конструкции с формой, включающей суффикс -*щт* – немаркированное выражение будущего времени, не обнаруживающее никаких связей с нефинитностью:

(27) *Олахъэ, щэлам сымышыщт сэ!*

welahe š'elam sə-mə-ʃə-š't se

боже шелям 1SG.ABS-NEG-делать-IRR я

‘Клянусь, что не буду делать шелямы.’

Сам факт того, что некоторые формально декларативные высказывания, объединяясь с прохибитивами и оптативами на семантических основаниях, получают и свойственное им префиксальное отрицание, говорит в пользу семантического и/или функционального анализа распределения негативных маркеров. С точки зрения гипотезы, выдвинутой выше, невозможность употребления отрицательного суффикса в высказываниях такого рода объясняется предельно просто: главная пропозиция не имеет и не может иметь здесь никакой истинностной оценки.

Еще одна группа недеklarативных высказываний, которые допускают только префиксальное отрицание, – это экскламативы¹⁰, один из видов восклицательных предложений, которые в адыгейском часто оформляются как именные группы в абсолютном (28) или инструментальном падеже. Использование префиксального отрицания в такого рода высказываниях хорошо укладывается в рамки традиционного подхода (где объясняется за счет нефинитности восклицательного предложения), однако и наш подход объясняет наблюдаемые факты столь же просто: главная пропозиция экскламативных предложений предполагается истинной, присваивания истинностной оценки в них не происходит, а следовательно, использование суффикса -*эи* было бы ничем не оправдано.

(28) *Ар зэрымьдэ!ожьыр!*

а-г ze-rə-mə-de?we-ž'ə-r

ТОТ-ABS REL-INSTR-NEG-слушаться-RFC-ABS

‘Какая она непослушная!’

¹⁰ Экскламативы представляют собой один из видов восклицательных предложений, выражающий эмоциональное отношение говорящего к некоторой пропозиции, которая при этом полагается уже истинной (фактивной). См. об этом Zanuttini, Portner 2003, об отрицании в экскламативах – Villalba 2004.

3.3. Декларативные высказывания

В отличие от высказываний, рассмотренных в разделе 3.2, декларативные высказывания содержат оператор истинностной оценки, а значит, допускают употребление как префиксального отрицания, так и суффиксального (см. многочисленные примеры выше).

С функциональной точки зрения различие между двумя типами отрицания в декларативах, как правило, вполне прозрачно. Если суффиксальное отрицание, как уже говорилось, указывает на ложность высказывания в целом (отрицательную истинностную оценку), то префиксальное отрицание обычно используется для *характеризации* одного из компонентов высказывания – будь то условие, как в примере (29), когда на первый план выходит именно отсутствие соответствующей ситуации, а не собственно ложность пропозиции (аналогичная картина наблюдается при отрицании в пресуппозитивной части), или, скажем, образ действия, когда отрицание позволяет выявить присутствующий признак через отсутствие признака, ему противоположного (30).

(29) *Адэ удэмыIаныIэмэ изакъоу псэкIодыба!*

ade wə-de-mə-ʔapəʔe-me jəzaq_w-ew psəḵ_wedə-ba
PTCL 2SG.ABS-COM-NEG-помогать-COND единственный-ADV грех-EMP
'Ну да, не помогать ей жалко.' (досл. 'Если не поможешь ей, грех же.')

(30) *Джээхашъом еплги, мыразэу садыжъ къэпльагъ.*

ʒehaḥ_we-m je-pɫ-jə mə-raz-ew sa-dəʒ' qe-pɫa-b
пол-ERG 3SG(IO)-смотреть-CON NEG-довольный-ADV 1SG-к DIR-смотреть-PST
'Она взглянула на пол и недовольно посмотрела на меня.'

И в том, и в другом случае речь идет, по сути, о характеристике лишь одной из множества предикаций, конституирующих смысл высказывания. Поэтому префиксальное отрицание в декларативных высказываниях обычно никак не выделяет отрицаемую пропозицию и легко включается в связный текст. В частности, в нарративе при изображении последовательности ситуаций описание одной из них исключительно посредством отрицания маловероятно. Для адыгейского языка это, однако же, до некоторой степени имеет и грамматические последствия, поскольку здесь имеется особая форма – так называемый союзный («инфинитный») аорист, образованный путем сочетания аориста с союзной частицей *-и* и предназначенная специально для выражения последовательности событий. При этом, как и следовало ожидать, исходя из функционирования отрицания и особенностей данной формы, и как эксплицитно заявлено в академической грамматике Г.В. Рогавы и

З.И. Керашевой (1966: 174), «отрицательные органические формы от инфинитного аориста не образуются».

И все же иногда префикс *мы-* может затрагивать содержание (почти) всего высказывания. Таков случай, когда некоторая пропозиция задается с помощью оператора отрицания и вся такая, отрицательно определяемая, ситуация известна обоим собеседникам, хотя и преподносится как нечто обсуждаемое: говорящий утверждает или напоминает истинность отрицательного высказывания. Такое полностью известное отрицательное высказывание может также использоваться для напоминания собеседнику известных ему фактов, в качестве аргумента в дискуссии или посылки некоторого другого высказывания, важного в данной дискурсивной ситуации:

(31) *Пыим кыгъацтэу хьакIэшлы факлор шьо шьуимыхабз...*

рəjə-m q-ə-ва-š't-ew haçe-šə fa-k_we-r
враг-ERG DIR-3SG-CAUS-бояться-ADV гость-делать BEN-идти-ABS
š_we š_wə-jə-mə-xabz
вы 2PL-POSS-NEG-обычай

‘Вашим обычаем не было, испугавшись врага, прятаться у друзей...’ (Рогава, Керашева 1966: 254)

(32) *ШьIэныгъэм нахь лъапIэ зи цымыI!*

š'əʔenəke-m nah ларе z-jə š'ə-mə-?
жизнь-ERG более дорогой один-СОН LOC-NEG-быть

‘Нет ничего дороже, чем жизнь!’ (Рогава, Керашева 1966: 253)

К этой же категории фактически относятся и «двойные отрицания», как в примере (9) выше. Примеры такого типа, по словам носителей адыгейского языка, требуют контекста, в котором отрицаемая пропозиция (сама по себе отрицательная) уже обсуждается. Действительно, (32) и (9) сходны тем, что в обоих случаях содержание некоторой отрицательно определяемой пропозиции предполагается известным собеседникам (для примера 32 это ‘не существует ничего дороже жизни’, для 9 – ‘я некрасивая’). Различие в том, что в (32) известной отрицательной пропозиции приписывается положительная истинностная оценка, а в (9) – отрицательная (отсюда второе, суффиксальное, отрицание).

Суффиксальное отрицание чаще всего является признаком законченного высказывания, имеющего собственную иллокутивную силу и истинностную оценку, а следовательно, допускающего стандартное отрицание. Высказывания, включающие стандартное отрицание, могут выполнять самые разные задачи – опровергая предполагаемые у адресата прагматические пресуппозиции, выражая вывод, нарушение ожиданий или же

задавая фон для последующего изложения и представляя разного рода пояснения. Здесь на первый план выходит не рассказ, не темпорально ориентированное описание ситуации, но констатация определенного состояния дел на данном фиксированном «дискурсивном срезе». Поэтому в нарративе, предполагающем темпоральное развертывание сюжета и не фокусирующем внимание адресата на истинностной оценке, стандартное отрицание оказывается своего рода *enfant terrible* – и наоборот, для актуального режима стандартное отрицание куда более естественно¹¹. Существует, однако, один тип высказываний, где стандартное отрицание вполне укладывается в общее развитие контекста – а именно причинно-следственные конструкции. Именно тут адыгейский язык наиболее ясно показывает, что выбор показателя отрицания диктуется в нем функциональными соображениями. Примеры адыгейских причинно-следственных конструкций приведены ниже:

(33) *Мый кIэнкIэу хэлъыр IахэмкIэ хэзгъуатэрэпшъы, зыгорэкIэ лъакъокIэ хэзгъуатэмэ сеплъэн.*

mə-j č'enč'-ew хе-лэ-г ?а-хе-м-č'e **хе-з-в_wате-г-ер-šə**

этот-ERG яйцо-ADV LOC-лежать-ABS рука-PL-ERG-INS LOC-1SG-находить-DYN-NEG-CS

zəg_were-č'e лаq_we-č'e хе-з-в_wате-me s-je-pлэ-n

кто.то-INS нога-INS LOC-1SG-находить-COND 1SG.ABS-3SG(IO)-посмотреть-POТ

‘Здесь я лежащее яйцо руками не нахожу, поэтому как-то... ногой, может быть, и найду – посмотрю.’

(34) *Аминэт розэхэр ыльэгъугъэпшти, ыгу хэкIыгъ.*¹²

amjənet rweze-xe-г **ə-лэк_wə-в-ер-tjə,** ə-g_w хеč'ə-в

Aminet роза-PL-ABS 3SG-видеть-PST-NEG-CS 3SG-сердце выйти-PST

‘Аминет не увидела роз и расстроилась.’

В обоих приведенных предложениях сказуемые клауз, указывающих на причину, маркированы специальными «союзными» показателями. Такие словоформы, по-видимому, не являются финитными в смысле Рогавы, Керашева 1966: они не способны служить предикатами независимых предложений¹³. Но несмотря на «инфинитность», в таких случаях

¹¹ Именно с этим, видимо, в какой-то степени связано ощущение отрицательных высказываний как особых речевых актов, отличных от декларативов – см. Givón 1984, а также критику данного подхода в Horn 1989.

¹² Возможен также вариант с другим показателем причины – *-шь* (*Аминэт розэхэр ыльэгъугъэпшышь, ыгу хэкIыгъ* с тем же значением).

¹³ Вопрос о том, являются ли причинные формы синтаксически подчиненными или же представляют собой случай так называемого соподчинения (co-subordination) остается за рамками настоящей статьи.

обнаруживается отрицательный суффикс (см. также Smeets 1984). Дело в том, что в естественных языковых причинно-следственных конструкциях сама возможность употребления клаузы, выражающей следствие, базируется на истинности/ложности клаузы, выражающей причину. Эта часть высказывания имеет собственную истинностную оценку – отсюда возможность употребления в ней суффиксального отрицания.

Итак, даже в декларативе, являющемся в какой-то степени оплотом формального подхода к распределению отрицательных показателей, корреляции между «финитностью» и выбором отрицательной морфемы могут нарушаться. Это является важным свидетельством в пользу функционального описания дистрибуции рассматриваемых показателей. Более того, как мы видели, обнаруживаемые в декларативе альтернации вполне соответствуют выдвинутой в (20) гипотезе.

3.4. *Вопросительные высказывания*

Семантическая структура вопросительных высказываний во многом параллельна структуре декларативов – с той лишь разницей, что их интерпретация требует наличия в семантической структуре неизвестного фрагмента, информация о котором запрашивается говорящим. Это можно представить как связывание некоторой переменной оператором вопросительности:

(35) ВОПРОС (x) (истинностная оценка (пропозиция)) + {пресуппозиции}

В самом первом приближении вопросы распадаются на общие – такие, где фокусом вопроса является истинностная оценка главной пропозиции, и частные – такие, в которых вопрос касается лишь отождествления одного из участников рассматриваемой (и следовательно, уже предполагаемой известной) ситуации с каким-то объектом, который предположительно может быть известен адресату:

(36) а. *частный вопрос:*

ВОПРОС (x) (истинно ($x=y$)) + {пресуппозиции { $\exists y$ }}

б. *общий вопрос:*

ВОПРОС (x) ($x_{\text{истинно/ложно}}$ (P(...))) + {пресуппозиции}

Хотя вопросительные высказывания оперируют с пропозициями, имеющими истинностные оценки (которые, впрочем, могут быть неизвестны говорящему), вопросов с отрицательным суффиксом, по-видимому, не бывает. В частных вопросах истинностная оценка положительна (в силу пресуппозиции существования уточняющегося компонента ситуации и тавтологичности оказывающегося в фокусе тождества), так что суффиксу *-en* там

неоткуда взяться. Любое отрицание, появляющееся в такого рода вопросах, фактически относится к пресуппозиции, а значит, маркируется отрицательным префиксом:

(37) *Хэта сэ зиахъцэ зэсымытыжыгыгъэхэр?*

het-a se z-jə-aχš'e ze-sə-mə-tə-ž'ə-ke-xe-r
кто-Q я REL-POSS-деньги REL-1SG-NEG-дать-RFC-PST-PL-ABS
'Кому я не вернул его деньги?'

Что же касается общих вопросов, то в них истинностная оценка главной пропозиции неизвестна – и, следовательно, не является на момент произнесения высказывания отрицательной. Поэтому и здесь отрицание может быть лишь частью главной пропозиции, но не присваиваемой ей истинностной оценкой¹⁴:

(38) *Шъумыкгуагъа?*

š_wə-mə-k_wa-κ-a
2PL.ABS-NEG-идти-PST-Q
'Разве вы не пошли?' (Рогава, Керашева 1966: 257)

(39) *Мары джы мыгъатхэ мэлхэм яхахъо зынэсын фэягъэм бэу къызэрэзгъэхъугъэр шъошIа-ишъомышIа?*

ma-rə žə mə-vaŋxe mel-xe-m ja-xaχ_wə zə-nesə-n
этот-PRED теперь этот-весна овца-PL-ERG 3PL+POSS-рост REL-достигать-POT
feja-ke-m b-ew qə-ze-r-je-z-ke-χ_wə-ke-r
должный-PST-ERG много-ADV DIR-REL-INSTR-3SG-1SG-CAUS-становиться-PST-ABS
š_wə-š-a-š_wə-mə-š-a?
2PL-знать-Q-2PL-NEG-знать-Q
'Знаете или не знаете, что в этом году прирост овец намного превышает планы?'
(Рогава, Керашева 1966: 256)

¹⁴ В вопросах, соответствующих русским общим вопросам с отрицанием, может использоваться частица *-ба*, часто трактуемая как вопросительная: *Гъунэгъумэ адэжъ-ба ар зыдэкгуагъэр?* 'Он не к соседям пошел?' На наш взгляд, эта частица не является собственно вопросительной (что, кстати, отмечается в Яковлев, Ашхамаф 1941). Ее присутствие совместимо с разнообразными иллокутивными типами высказываний (вопросами, декларативами, командами). Очевидно, что каким бы сложным ни было значение частицы *-ба*, она не выражает истинностной оценки, и перевод предложений, в которых она присутствует, с помощью отрицательных вопросов – результат пересечения семантики *-ба* и семантики частицы *не* в русских общеотрицательных вопросах. Не является убедительной и встречающаяся в ряде работ гипотеза о связи *-ба* с отрицательным суффиксом *-эн* (см. в особенности Smeets 1984): в действительности, они различаются как функционально, так и морфонологически.

4. Следствия полисинтетизма?

4.1. Вводные замечания

Гипотеза о связи выбора показателя отрицания с тем, функционирует ли оно как оператор истинностной оценки высказывания или нет, позволяет объяснить зависимость этого выбора от типа высказывания, а также определенные альтернативы, наблюдаемые в декларативах. Тем не менее, поскольку как раз в декларативных высказываниях оппозиция между префиксальным и суффиксальным отрицанием фактически оказывается сводима к различию в сфере действия, некоторые проблемы, сформулированные для этого подхода выше (раздел 2.4), остаются и в нашем случае.

Во-первых, остается открытым вопрос о том, почему суффикс *-эн* встречается практически исключительно в сказуемых главных предложений. Это, казалось бы, наводит на мысль об однозначном соответствии стандартного отрицания и сентенциального отрицания по крайней мере для декларативов. С типологической точки зрения, однако, эта эквивалентность не обоснована. Например, русское предложение *Пришел не Иван* обычно не считается примером сентенциального отрицания. Тем не менее очевидно, что здесь мы имеем дело со стандартным отрицанием (по крайней мере в том смысле, какой придается ему в нашей формулировке распределения показателей отрицания): в сфере действия отрицания включается пропозиция 'пришедший есть Иван', то есть вся та часть семантики предложения, которая не находится в пресуппозиции ('кто-то пришел').

Во-вторых, основываясь исключительно на гипотезе (20), мы не можем объяснить отмеченные в разделе 2.3 случаи многозначности в сфере действия отрицания, возникающие иногда при употреблении суффикса *-эн*.

Как мы увидим ниже, решение обеих этих проблем может быть найдено в типологических характеристиках адыгейского языка. Абхазо-адыгские языки являются полисинтетическими, то есть в них на уровне слова может быть выражено большое количество информации, в неполисинтетических языках выражаемой на уровне синтаксиса. В частности, в адыгейском языке именно на морфемы, входящие в слово, зачастую ложится задача установления состава участников ситуации, их синтаксических ролей и отношений кореферентности между ними, а также маркирования предикативных категорий (иллокутивной силы, модальности, времени). Собственно синтаксические средства (связывающие единицы вне пределов полисинтетической словоформы) в значительной степени используются для выражения коммуникативной структуры высказывания. Как раз эти типологические характеристики и оказываются наиболее существенными для функционирования отрицания в адыгейском языке.

4.2. Фокус, перспектива, сказуемое и отрицание

Связь отрицания с коммуникативной структурой высказывания является, по-видимому, общепризнанной. В частности, известно, что сферу действия стандартного отрицания обычно составляет фокус (см., например, Herburger 2000), который понимается здесь в духе работы Lambrecht 1994 – как та часть значения предложения, которая присутствует в его ассерции, но не в пресуппозициях или как соответствующая ей часть предложения. В адыгейском языке этот факт имеет принципиальные следствия для выражения стандартного отрицания (так, именно он, на наш взгляд, объясняет тяготение суффиксального отрицания к сказуемому), поскольку коммуникативная структура здесь находит непосредственное выражение в структуре синтаксической.

Последнее легко проиллюстрировать на примере так называемого «аргументного фокуса», касающегося лишь выражения одного из участников описываемого события. Во многих языках в таких случаях наблюдается несоответствие между синтаксической и коммуникативной структурой. Ср., например, предложение [СОСЕД] *разбил окно*¹⁵, где в фокусе оказывается только подлежащее, а сказуемое (статистически чаще всего входящее в фокус) остается в пресуппозитивной части высказывания. В адыгейском языке, однако, аналогичное несоответствие, по-видимому, невозможно. Так, в предложениях с аргументным фокусом группа, описывающая этого участника, обязана выступать в качестве сказуемого:

(40) а. *Гьунэгьум шьхьангьунчьэр хиутыгь.*

к_wэпек_wэ-м šhanэв_wэрсе-г х-јә-wэтэ-к
сосед-ERG окно-ABS LOC-3SG-разбить-PST
'Сосед разбил окно.' (*'Окно разбил СОСЕД.')

б. *Шьхьангьунчьэр хэзыутыгьэр гьунэгьу.*

šhanэв_wэрсе-г хе-зә-wэтэ-ке-г к_wэпек_w
окно-ABS LOC-REL-разбить-PST-ABS сосед
'Это сосед разбил окно.' (букв.: 'Тот, кто разбил окно, – сосед.')

В примере (40а) в качестве сказуемого выступает *хиутыгь*, его наиболее «близкий» аргумент – абсолютив *шьхьангьунчьэр* 'окно'. Это предложение может быть использовано во всех ситуациях, когда сказуемое 'разбил' является частью фокуса. В примере (40б) главный предикат – *гьунэгьу* 'сосед' ('являться соседом'); его единственную валентность заполняет абсолютивная группа *шьхьангьунчьэр хэзыутыгьэр* 'тот, кто разбил окно'. Таким образом, различение предложений, аналогичных [СОСЕД] *разбил окно* и *Сосед [разбил ОКНО]*, в адыгейском языке обеспечивается не с помощью специальной синтаксической

¹⁵ Малыми прописными буквами выделяется слово, несущее фразовый акцент.

конструкции и/или особой интонации, а уже на стадии выбора лексем, заполняющих позиции сказуемого и его зависимых. Это означает, что сказуемое главного предложения в адыгейском языке обязательно должно входить в фокусную часть.

Естественно, впрочем, что этого недостаточно для описания расположения отрицания просто потому, что в фокусную часть может входить не только сказуемое. И здесь, как нам представляется, принципиальным становится еще одно понятие, влияющее на упорядоченность разных компонентов высказывания по их прагматической значимости – понятие *перспективы* (ср. Fillmore 1977; в Падучева 1998 подробно анализируется сходное понятие *тематического выделения*). При построении предложения говорящий имеет определенную свободу: если ситуация включает более одного семантического предиката, в большинстве случаев имеется несколько возможностей выбора некоторого предиката на роль сказуемого. Такой предикат – будем называть его прагматически центральным – выступает как способ именованной рассматриваемой внеязыковой ситуации, а прочие предикаты представляются при этом как его аргументы или свойства¹⁶. Например, в предложении *Mary plays tennis well* ‘Мэри хорошо играет в теннис’ (составляющем, например, фрагмент рассказа о разнообразных свойствах Мэри) ассерция ‘plays tennis well’, главное сказуемое *plays*, а предикат ‘well’ концептуализуется как свойство игры Мэри. Если же внимание говорящего сосредоточено на качественной оценке субъекта, то появляется предложение типа *Mary is good at tennis*, ‘Мэри хорошо играет в теннис’, где синтаксически главным является предикат *good*, а ‘at tennis’ конкретизирует сферу его действия.

Построение перспективы предложения и кодирование его коммуникативной структуры – вообще говоря, разные механизмы. Так, например, зависимые клаузы имеют собственную перспективу, в то время как коммуникативной структурой – как и иллокутивной силой – обладает в большинстве случаев только целое высказывание, но никак не элементарные клаузы. Кроме того, разные языки имеют разные возможности выбора прагматически центрального предиката, связанные с наличием определенных лексических классов и грамматических конструкций (например, по-русски приемлемость предложения, аналогичного *Mary is good at tennis*, по меньшей мере сомнительна, хотя сходные конструкции существуют, ср. ‘Миша сегодня был хорош в роли оппонента’).

¹⁶ У Ч. Филлмора речь идет о свободе выбора для описания ситуации одного предиката из ряда семантически приемлемых и требующих при этом разных синтаксических ролей актантов (например, одного предиката из группы *продавать – покупать – платить*). У нас речь идет скорее о «взаимозаменяемости» нескольких предикатов, из которых один выбирается в качестве «вершинного», а остальные могут представляться как его «обстоятельства» или «аргументы». На наш взгляд, это явления одного порядка.

Во многих языках вполне возможны предложения, в которых лексическая единица, выражающая прагматически центральный предикат и занимающая позицию главного сказуемого, не входит в фокусную составляющую. Например, в предложении *Иван бежит БЫСТРО* в фокус попадает только наречие, но прагматически центральным при этом остается предикат ‘бежит’, а сказуемым предложения – выражающий его глагол.

Особенностью адыгейского языка является то, что теоретические возможности выбора прагматического центра в нем, по-видимому, гораздо шире, чем в языках типа русского. Это свойство связано с тем, что в адыгейском различие имен и глаголов выражено слабо и образовывать сказуемое независимого предложения способны практически все знаменательные основы. Например, в (41a) и (41b) перспективой различаются зависимые клаузы:

(41) а. *Светэ фай къэбэртаем дэКлонэу.*

svete faj [qebertajə-m de-ḱwe-n-ew]

Света хотеть кабардинец-ERG LOC-идти-POT-ADV

‘Света хочет выйти замуж за кабардинца’.

б. *Светэ фай къэбэртаенэу зыдэКлоцтыр.*

svete faj [qebertajə-n-ew zə-de-ḱwe-š'tə-r]

Света хотеть кабардинец-POT-ADV REL-LOC-идти-IRR-ABS

‘Света хочет, чтобы тот, за кого она выйдет замуж, был кабардинцем’.

Однако свобода выбора перспективы в адыгейском также ограничена, причем именно там, где языки типа русского ограничений не накладывают: в главном предложении – в силу упомянутого выше требования фокусности сказуемого – синтаксическая структура предложения должна соответствовать его коммуникативным свойствам, а следовательно в качестве сказуемого может быть выбран только предикат, принадлежащий его фокусной части.

Следует подчеркнуть, что, как и другие языки, адыгейский не выдвигает требование, чтобы прагматически центральным предикатом становилась самая «важная» часть высказывания. Сказуемым может стать любой предикат, входящий в фокус высказывания, – отсюда некоторые возможности варьирования выбора прагматически центрального предиката и, следовательно, синтаксической структуры высказывания, ср.:

(42) а. *Сэ сыкъэхъугъ июлым итфым.*

se sə-qe-ḱwə-в jəjul'ə-m jə-tfə-m

я 1SG.ABS-DIR-стать-PST июль-ERG POSS-пять-ERG

‘Я родилась пятого июля’.

b. *Сыкъызыхъугъэр июлым итфыр.*

se sə-qə-zə-χ_wə-ke-г jəjul'ə-m jə-tfə-г
я 1SG.ABS-DIR-REL-статья-PST-ABS июль-ERG POSS-пять-ABS

‘Я родилась пятого июля’ (досл. ‘Время, когда я родилась, – пятое июля’).

Информация, передаваемая глаголом ‘родилась’, довольно тривиальна, а наиболее важными являются сведения о дате рождения рассказчицы. Тем не менее если ‘я’ трактуется как тема эпизода (например, в рассказе о себе), то предложение, информирующее о дате рождения, может, как и в русском языке, строиться вокруг прагматического центра ‘родилась’ (соответствующая лексема становится синтаксической вершиной предложения, пример 42a). Если же в качестве темы выбирается время рождения говорящего, то получается конструкция (42b), фокусом и сказуемым которой является группа ‘пятое июля’.

С учетом всего вышесказанного, сфера действия отрицания в адыгейском языке выделяется крайне просто. В сферу действия отрицания обязательно входит прагматический центр части, маркируемой отрицанием. Как следствие, обычно показатель стандартного отрицания сопровождает прагматический центр фокусной части, которая является также и сказуемым предложения (независимо от его типа):

(43) *Усиньысэп ыкIи о... усипхъу шъыпкъ...*

wə-s-jə-nəs-ep əç'jə we... wə-s-jə-pχ_w šəpɔ
2SG.ABS-1SG-POSS-невестка-NEG и ты 2SG.ABS-1SG-POSS-дочь правда

‘Ты мне не невестка, ты мне дочь родная.’

Указанное правило распространяется и на те типы стандартного отрицания, где главная фокусная предикация не описывает действие, а идентифицирует одного из его участников:

(40) d. *Шъхангъупчъэр хэзыутыгъэр гъунэгъоп.*

šhanəχ_wəpçə-г хə-zə-wətə-ke-г в_wəпəχ_w-ep
окно-ABS LOC-REL-разбить-PST-ABS сосед-NEG

‘Это не сосед окно разбил.’ (досл. ‘Разбивший окно не является соседом.’)

Таким образом, отмеченные в литературе корреляции между «финитностью» и выбором отрицания, в действительности, коренятся в принципиальных особенностях адыгейской синтаксической структуры, а именно в ее жесткой связи с коммуникативной структурой высказывания.

4.3. Отрицание и «полипредикативные словоформы»

Для выражения предикатно-аргументных структур каждой из предикаций и коммуникативной структуры предложения адыгейский в основном использует разные механизмы. Предикатно-аргументная структура высказывания фактически может формироваться внутри полисинтетической словоформы. Напротив, перспектива предложения и его коммуникативная структура кодируются при помощи лексических и синтаксических средств (выбор единицы на роль сказуемого предложения, синтаксические отношения между сказуемым и его зависимыми).

Если внутри полисинтетической словоформы выражается несколько предикатов, то маркер отрицания (как суффиксальный, так и префиксальный) модифицирует весь комплекс. Это значит, что в сферу действия отрицания попадает прежде всего прагматически центральный предикат. При этом возможны две ситуации: либо прагматически центральный предикат задан однозначно и при наличии на такой словоформе отрицания неизменно попадает в сферу его действия (см. ниже), либо соотношение между предикатами, выражаемыми внутри словоформы, однозначно не задано.

Первая ситуация может быть, в частности, проиллюстрирована на примере глаголов с показателем хабилитива (выражающим значение ‘мочь’, ‘уметь’):

(40) а. *Сэ ац гу лысытэишъорэн.*

se a-š' g_wə лə-sə-te-š_wə-r-ep
я тот-ERG сердце LOC-1SG-заметить-HBL-DYN-NEG

‘Я на него внимания не обращаю.’ (досл. ‘Я не могу его замечать.’)

По-видимому, перевод ‘Я могу его не заметить’ для данного высказывания невозможен: хабилитивный предикат является здесь прагматически центральным и должен попадать в сферу действия отрицания. Чтобы в сферу действия отрицания попал только предикат ‘заметить’, можно использовать бипредикативную конструкцию:

(40) б. *Сэ ац гу лысымытэн слъэкIыцт.*

se a-š' g_wə лə-sə-mə-te-n s-лeč'ə-š't
я тот-ERG сердце LOC-1SG-NEG-заметить-POT 1SG-мочь-IRR

‘Я могу его не заметить.’

Еще более наглядно сфера действия отрицания может быть проиллюстрирована на примере глаголов с показателем симулятива (значения притворности, см. Курсакова 2006). Формы с этим показателем, даже используемые в качестве сказуемого главного предложения, могут присоединять как префиксальное, так и суффиксальное отрицание, а

также оба показателя отрицания одновременно. Сфера действия префиксального отрицания затрагивает только предикат, выражаемый лексической основной, сфера действия отрицательного суффикса обязательно затрагивает предикат притворности:

(40) а. *Ныр мыгумэкЫшььо.*

пэ-г мэ-г_wэмеç'э-š_wе

мать-ABS NEG-беспокоиться-SML

‘Мать делает вид, что не беспокоится.’

б. *Ныр гумэкЫшььорэн.*

пэ-г г_wэмеç'э-š_wе-г-ер

мать-ABS беспокоиться-SML-DYN-NEG

‘Мать не делает вид, что беспокоится.’

с. *Ныр мыгумэкЫшььорэн.*

пэ-г мэ-г_wэмеç'э-š_wе-г-ер

ТОТ-ABS NEG-беспокоиться-SML-DYN-NEG

‘Мать не делает вид, что не беспокоится.’ (Курсакова 2006)

Очевидное различие между симулятивным и хабилитивным показателями в адыгейском языке состоит в том, что первый допускает появление префиксального отрицания с узкой сферой действия относительно соответствующего оператора, а второй – нет. Это показывает, что такого рода показатели внутри адыгейской словоформы неоднородны в том, насколько автономна та часть словоформы, к которой они присоединяются¹⁷. Но несмотря на эту разницу в поведении, как хабилитивный, так и симулятивный предикат, очевидно, являются центральными в тех словоформах, где они присутствуют.

С предикатом каузации, выражаемым префиксом *гъэ-* и обсуждаемым в разд. 2.4 выше, дело, однако, обстоит иначе. Как мы видели, в каузативных глаголах (см. также п. 2.4) маркер отрицания может относиться как к предикату каузации, так и к его семантическому актанту – предикату, выражаемому глагольным корнем. Например, глагол *къысгъэЛотагъэн* из примера (16) может означать ‘я заставил его об этом не рассказывать’ (а не только ‘я не заставлял его об этом рассказывать’). Можно предположить, что в каузативных глаголах прагматически центральным может являться как предикат каузации, так и лексический предикат – точнее, их относительная значимость жестко не задана. И действительно,

¹⁷ Заметим в связи с этим, что как показал В.И. Киммельман (2006), аналогичная неоднородность имеется и среди аналитических и полуаналитических конструкций.

А.Б. Летучий (2006) отмечает, что в адыгейских каузативных конструкциях центральное место может занимать каузируемая, а не каузирующая ситуация¹⁸. Причиной неоднозначности сферы действия в каузативных глаголах, очевидно, является то обстоятельство, что в пределах полисинтетической словоформы нет никакой возможности выразить перспективу.

Можно заключить, таким образом, что многозначность, отмеченная нами при использовании отрицания при «полипредикативных словоформах», не противоречит идее о связи показателя отрицания и сферы действия этого оператора. Сфера действия отрицания определяется не семантически, а прагматически, а в этом отношении «полипредикативные словоформы» сами по себе иногда допускают многозначность.

5. Заключение

Итак, существуют веские основания считать, что два показателя отрицания в адыгейском языке противопоставлены не столько формально и семантически, сколько по своим функциям: в то время, как суффикс *-эи* выражает стандартное отрицание, приписывая оценку «ложно» всей ассерции (или по крайней мере прагматическому центру высказывания), префикс *мы-* указывает на все прочие типы отрицания, в большинстве случаев служащие для описания определенных аспектов ситуации. Существенно, что такая разница в функционировании находит непосредственное отражение в распределении показателей отрицания по разным типам речевых актов.

Сам факт того, что в адыгейском языке оказывается грамматикализованным противопоставление стандартного отрицания прочим типам отрицания и при этом место отрицания определяется его сферой действия, весьма примечателен. Дело в том, что во многих других языках мы наблюдаем ситуацию, в лучшем случае лишь приближающуюся к той, что обнаруживается в адыгейском языке. Например, в русском языке противопоставление стандартного и нестандартного отрицания формально не выражается: негативная частица *не* в норме крепится к той части высказывания, которая находится в ее сфере действия вне зависимости от того, представляет ли эта часть фокус и прагматический центр высказывания. В английском языке, напротив, стандартное отрицание может маркироваться при сказуемом, даже если последнее не входит в его сферу действия (как в *John didn't kick THE BALL* 'Джон ударил не по мячу' – однако там же оно может располагаться

¹⁸ «Каузативы близки скорее не к каноническим каузативным конструкциям, а к предложениям с причинным сирконстантом типа 'вынужденно', 'по желанию X-а'» (Летучий 2006). Эта точка зрения косвенно подтверждается тем, что каузативные производные от агентивных глаголов информанты склонны переводить как «Y сделал что-то по просьбе X-а» (а не «X заставил Y-а сделать что-то»).

и в тех случаях, когда сказуемое входит в сферу действия отрицания, но само отрицание не является стандартным (*JOHN didn't come* 'ДЖОН не пришел' – предполагается, что все остальные пришли). Что же касается адыгейского языка, то здесь позиция показателя отрицания определяется семантически, но в большинстве случаев у него возникает естественный формальный коррелят – сказуемое предложения. Такое становится возможным благодаря тому, что синтаксическая структура адыгейского высказывания в гораздо большей степени соответствует коммуникативному устройству и перспективе, нежели синтаксическая структура русского или английского высказывания. И именно поэтому организация адыгейского предложения во многом проливает свет на функционирование таких дискурсивно-ориентированных категорий, как отрицание.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо; ABS – абсолютив; ADV – адвербиальная форма; AUG – аугмент; BEN – бенефактив; CAUS – каузатив; COH – маркер когерентности; COM – комитатив; COND – условное наклонение; COORD – показатель сочинения; CS – (причинный) консекутив; DIR – директивный префикс; DYN – маркер динамичности; EMP – эмфатическая частица; ERG – эргатив; HBL – хабилитив; INS – инструменталис; INSTR – инструментальный преверб; IO – не прямой объект; IRR – ирреалис; LOC – локативный преверб; NEG – показатель отрицания; OPT – оптатив; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; POT – потенциалис; PRED – предикативная форма; PST – прошедшее время; PTCL – частица; Q – показатель вопроса; REAS – причинный преверб; REL – показатель релятивизации; RFC – рефактив/реверсив; RFL – рефлексив; SG – единственное число; SIM – показатель одновременности; SML – симулятив; UQ – универсальное кванторное слово.

ЛИТЕРАТУРА

- Блягоз З.У. 1992. *Жемчужины народной мудрости. Адыгейские пословицы и поговорки на адыгейском и русском языках*. Майкоп: Адыгейское книжное издательство.
- Герасимов Д.В., Ландер Ю.А. В печати. Релятивизация под маской номинализации и фактивный аргумент в адыгейском языке // С.Г. Татевосов (ред.). *Исследования по отглагольной деривации*. М.
- Гишев Н.Т. 2003. *Сравнительный анализ адыгских языков*. Майкоп: Качество.
- Калинина Е.Ю. 2001. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. М.: ИМЛИ РАН.
- Киммельман В.И. *Зэпыт, пэт, тет, пыль, цыт*: грамматикализованность, отрицание, каузатив. Доклад на рабочем семинаре Адыгейской лингвистической экспедиции 11 июля 2006 г.
- Кумахов М.А. 1971. *Словоизменение адыгских языков*. М.: Наука.
- Кумахов М.А. 1989. *Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков*. М.:

Наука.

- Курсакова А.А. 2006. \hat{s}_{we} – показатель симулятива в адыгейском языке. Доклад на рабочем семинаре Адыгейской лингвистической экспедиции 18 июля 2006 г.
- Летучий А.Б. 2003. Актантная деривация в адыгейском языке. Рукопись.
- Летучий А.Б. 2006. Средства маркирования противопоставления «инхоатив/каузатив» в адыгейском языке. Рукопись.
- Падучева Е.В. 1985. *Высказывание и его соотношенность с действительностью*. М.: Наука.
- Падучева Е.В. 1998. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // *Семиотика и информатика*. Вып. 36. М.: Языки русской культуры; Русские словари. С. 82–107.
- Рогава Г.В., Керашева З.И. 1966. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар – Майкоп: Краснодарское книжное изд.
- Тестелец Я.Г. 2005. Результаты проверки параметров подъема и контроля в адыгейском языке. Рукопись.
- Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. 1941. *Грамматика адыгейского литературного языка*. М.— Л.: Изд. АН СССР.
- Dumézil G. 1932. *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (morphologie)*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Fillmore, Ch. J. 1977. The case for case reopened. // P.Cole and J.M.Sadock (eds). *Syntax and semantics*, Vol. 8. N.Y./San Francisco/London. P. 59–81. [Рус. пер.: Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // *Новое в лингвистике*. Вып. 10. М.: Прогресс, 1981. С. 496–530.]
- Givón T. 1984. *Syntax: A Functional-Typological Introduction*. Vol. I. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Herburger E. 2000. *What Counts: Focus and Quantification*. Cambridge(Mass.)/London: MIT Press.
- Horn L.R. 1989. *A Natural History of Negation*. Chicago/London: The Univ. of Chicago Press.
- Jespersen O. 1924. *The Philosophy of Grammar*. London: G. Allen & Unwin. [Русск. пер.: Есперсен О. *Философия грамматики*. М.: УРСС, 2002.]
- Kahrel P., van den Berg R. (eds) 1994. *Typological Studies in Negation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Kalinina, E., Sumbatova N. In print. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // I. Nikolaeva (ed.). *All over the clause: Finiteness*. Oxford: Oxford University Press.
- Lambrecht K. 1994. *Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus, and the Mental Representation of Discourse Referents*. Cambridge etc.: Cambridge Univ. Press.
- Miestamo M. 2000. Towards a typology of standard negation // *Nordic Journal of Linguistics*. Vol. 23. P. 65–88.
- Smeets R. 1984. *Studies in West Circassian phonology and morphology*. Leiden: The Hakuchi Press.
- Villalba X. 2004. Exclamatives and negation. Report de Recerca GGT-2004-02.
- Zanuttini R., Portner P. 2003. Exclamative clauses: at the syntax/semantics interface // *Language*. Vol. 79 (1). P. 39–81.